

Глава 2

Услышав с улицы голос матери, И Бон с трудом разлепил опухшие глаза.

Вслепую пошарив по кровати, он нащупал телефон. Стоило включить экран, как на него посыпались уведомления о сообщениях. Почти все они были от Ли Сыngu.

[20XX 09 XX]

[Ли Сыngu: Эй, ты почему не приходишь???) (22:01)

[Ли Сыngu: Серьезно, ты сбежал????] (22:07)

[Ли Сыngu: Эй, Кан И Бон!!!! Ты правда свалил!!!!] (22:08)

[20XX 09 XX]

[Ли Сыngu: Эй... что-то случилось??? Почему на звонки не отвечаешь] (11:34)

[Ли Сыngu: Всё же нормально, да? Хотя бы ответь, когда увидишь сообщение] (11:35)

...

...

...

[Ли Сыngu: Кан И Бон!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!] (22:33)

С вечера пятницы и до сегодняшнего дня, до самого воскресенья, И Бон держал телефон выключенным. Он боялся, что может случайно связаться с У Чханом.

В нём боролись обида и непонимание того, действительно ли они расстались, желание умолять не бросать его, обещая стать лучше, и тлеющая привязанность, шепчущая: «Неужели хён больше не любит меня?».

Не в силах остановить слёзы, он прорыдал до самого рассвета субботы, прежде чем наконец уснул.

Приложив холодный телефон к своим опухшим векам, И Бон лежал так до тех пор, пока стук в дверь не заставил его встать и выйти из комнаты.

— Ох, что же нам делать.

Мать, встретившая его сразу за дверью, с беспокойством смотрела на его распухшее лицо.

В субботу И Бону пришлось притворяться, что он заболел гриппом, потому что мать была так напугана его видом, что даже порывалась отвезти его в больницу.

Единственным плюсом было то, что щека, по которой ударил У Чхан, просто опухла, но обошлась без синяка.

— Сынок, тебе правда уже лучше? Ты ведь просто приболел, да?

— Да, видимо, я просто переутомился с непривычки после возвращения в университет. Не волнуйся так сильно, мам. Я быстро в душ и выйду.

— Если что-то действительно не так, ты должен сразу мне сказать!

И Бон поспешно скрылся в ванной.

К счастью, мать больше ни о чём не расспрашивала, даже когда они пошли в церковь.

Она лишь изредка бросала на него тревожные взгляды, отчего И Бону становилось только тяжелее дышать.

Во время проповеди пастора И Бон отстраненно пялился на подставку для Библии. Ни одно слово из речи священника не откладывалось в голове.

С тех пор как они расстались, единственное сообщение от У Чхана пришло ранним утром в субботу.

[И Бон, я очень в тебе разочарован. Я понимаю твои чувства, но неужели нужно было выражать их таким образом?

Учитывая наше прошлое и то, что наши родители знакомы, я хотел разойтись по-хорошему, но, видимо, я ошибался на твой счет. Разочаровывающе.

С этого момента давай по возможности не пересекаться, и я надеюсь, что ты вообще не будешь со мной связываться.

И всё же прости, что ударил тебя. Но я был в шоке. Как ты мог сделать такое на людях? Ты сам всё прекрасно понимаешь.]

Это было сообщение в типичном стиле У Чхана.

До самого конца он оставался сдержанным и правильным — таким, каким И Бон всегда им восхищался, отчего теперь плакал еще сильнее. Казалось, он был единственным, кто любил так глубоко.

Вместо того чтобы сказать, что чувства остыли, или сослаться на занятость, или даже на социальный статус... он привел самую худшую причину из возможных.

После таких слов И Бон больше не мог цепляться за У Чхана.

Сквозь всё это пробивалось сожаление о том, зачем он импульсивно поцеловал У Чхана после слов о том, что хён в нём разочарован.

И Бон тяжело сглотнул, пытаясь сдержать новые слёзы, и поднял голову.

Его взгляд упал на что-то черное, сидевшее в дальнем левом ряду.

Мужчина в черной футболке без рукавов был невысокого роста, но теперь при виде любого черного цвета И Бону вспоминался тот самый человек.

Мужчина с глазами темнее и зловещее ночного неба, с тяжелым запахом одеколона и хриплым голосом.

Человек из того мира, с которым И Бону никогда не стоило связываться.

«Ещё увидимся?»

Были ли его последние слова простой шуткой? И Бон надеялся на это, бормоча «Аминь» вместе с остальными прихожанами.

Его голос дрожал.

Что это было — страх перед тем, что этот пугающий человек может прийти за ним, или давящее чувство вины, — он и сам не понимал.

Но вскоре И Бон столкнулся с этим пугающим человеком вновь.

В совершенно неожиданном месте и в совершенно неожиданном амплуа.

***

— Ты хоть представляешь, как я волновался?

— ...Я же сказал, прости, правда.

И Бон вяло извинился перед Сынгу, который повис у него на руке. Теперь И Бон расплачивался за то, что сбежал с ориентационного собрания [1] и не выходил на связь до самой среды.

Он выдавил из себя улыбку, пытаясь успокоить Сынгу.

— Ничего серьезного не случилось, да? У тебя всё это время был выключен телефон, я уже собирался к тебе домой заявиться.

Казалось, Сынгу ждал подробностей, но И Бон не собирался откровенничать.

В конце концов Сынгу, как всегда, сдался первым.

— Ну, главное, что с тобой всё в порядке, — сказал он, пожав плечами. — А у тебя сейчас пара?

— Да, общеобразовательная.

И Бон и Сынгу вошли в корпус гуманитарных наук и зашли в лифт.

Несмотря на то, что у них не было общих занятий, Сынгу как ни в чём не бывало зашел следом за ним, видимо, намереваясь проводить до аудитории.

— Мог бы идти по своим делам.

— От всё равно скоро закончится. Давай потом пообедаем. Я подожду где-нибудь поблизости.

— ...Это может затянуться.

Двери лифта открылись, и И Бон вышел, тяжело вздохнув.

— А что за предмет?

— Развитие мировой философии.

При упоминании лекции, название которой звучало невероятно скучно, Сынгу скривился, всем своим видом показывая: «И зачем ты такое взял?»

— Я не по своей воле его выбрал. Все нормальные предметы разобрали, так что выбора у меня не было.

И Бон искренне не понимал, как всем остальным удавалось урвать хорошие предметы по отзывам.

К своему второму курсу ему ни разу это не удалось. А бросить этот курс он не мог — нужны были кредиты.

Подходя к аудитории, И Бон размышлял о том, сколько же страданий принесет ему этот семестр. Сынгу, шагавший рядом, копался в телефоне.

— Ого, отзывы на этот курс просто жуть. Говорят, это сущий ад.

«Мог бы и не говорить».

Сынгу был хорошим парнем, но иногда дико бесил. Впрочем, И Бон знал, что тот просто хотел помочь, поэтому ничего не сказал.

— О, зато никакой групповой работы. Нужно просто каждую неделю надо сдавать реферат на тему, которую задаст профессор. И профессор строгий, плюс и промежуточный, и итоговый экзамены в виде эссе, так что будет реально жестко. Справишься?

Его тон казался скорее насмешливым, чем информативным. Возможно, из-за того, что И Бон в последнее время был слишком чувствительным, ему это показалось откровенной издевкой.

Не в силах больше терпеть раздражение, И Бон зыркнул на Сынгу, а тот лишь прищурился и улыбнулся. Похоже, он и правда просто дразнился.

— А я урвал два легких предмета.

— ...Вау, завидую.

— Думаю один сбросить. Хочешь забрать?

— Правда?!

Раздражение с лица И Бона как ветром сдуло, и он повернулся к Сыngu с сияющей улыбкой. Сыngu пожал плечами, дернув губами.

— Здорово, да? Не чувствуешь себя счастливым, что у тебя есть такой друг?

Сыngu выпятил грудь и скорчил дерзкую рожу, всем своим видом призывая: «Ну давай, хвали меня быстрее».

И Бон прекрасно понимал, чего тот добивается, но также заметил, что его громкий возглас привлек к ним внимание.

Он быстро нацепил на лицо свою привычную спокойную улыбку.

— Да, здорово. Напиши мне за день до окончания периода регистрации, если будешь его сбрасывать.

— Вау, и всё? Какой же ты холодный. Кажешься таким душевным, а на деле льдышка, да?

— Ага, спасибо.

Сыngu пробурчал что-то себе под нос, но тон его был легким — он вовсе не обиделся. Когда И Бон подошел к аудитории и уже собирался войти, Сыngu схватил его за плечо.

— Ты что, правда пойдешь на ОТ?

И Бон обернулся и кивнул.

— Даже если ты его сбросишь, не факт, что я успею его перехватить. Как закончишь, напиши мне...

Сыngu внезапно уставился куда-то за спину И Бону, приоткрыв рот. Проследив за его взглядом, И Бон замер с точно таким же выражением лица.

Зачесанные назад волосы, густые брови, высокий рост и внушительное телосложение. Черная рубашка, костюмные брюки, туфли и... те самые темные глаза, которые, казалось, поглощали в себя всё вокруг.

Это был тот самый мужчина.

Тот самый человек из переулка, излучающий опасность, которую невозможно было забыть.

Всё тело И Бона окаменело, а мужчина, глядя прямо на него, слегка приподнял глаза.

«Разве я не говорил, что мы еще увидимся?»

Грубый голос, казалось, медленно вползал ему в уши. Сердце забило быстрее.

Мужчина смерил И Бона взглядом с ног до головы, прежде чем войти в аудиторию. И только когда он скрылся из виду, И Бон понял, что всё это время не дышал.

«Он меня узнал?»

Судя по всему, да. Иначе с чего бы ему улыбаться И Бону перед тем, как зайти в аудиторию.

С шумом выдохнув, Сынгу, всё еще держащий руку на плече И Бона, прошептал:

— Обалдеть... Впервые вижу его вживую. У него просто безумная аура.

Впервые видит вживую? Слово речь шла не о встрече с бандитом, а о ком-то знаменитом. Это прозвучало странно. И Бон обернулся и спросил:

— Ты его знаешь?

Сынгу посмотрел на него взглядом, в котором читалось: «Ты серьезно сейчас об этом спрашиваешь?»

И Бон, не понимая реакции Сынгу, резко переспросил:

— Что с ним не так?

Из-за тревоги его тон был резче, чем обычно.

— Да из-за него с начала года такая шумиха стоит. В Эте.

Для Кан И Бона «Эта» была лишь приложением для проверки расписания и редкого чтения отзывов на курсы.

«Шумиха была из-за профессора, а не из-за бандита?»

Теперь, когда он об этом подумал, этот мужчина зашел в ту самую аудиторию, в которую

должен был пойти И Бон. Он попытался вспомнить имя профессора, которое мельком видел в расписании.

Квак... Квак Чхоль Ён...? Кажется, так его звали. Имя подходило, но в то же время совершенно не вязалось с образом.

— Он что, новый профессор в этом году?

— Вау, ты реально ничего не знаешь. Он не профессор...

Сынгу прикрыл рот ладонью и наклонился к самому уху И Бона:

— Он первокурсник в этом году. На факультете психологии.

— Ты врешь. Seriously.

Ответ вырвался почти рефлексивно. Но Сынгу выглядел искренне оскорбленным, его брови поползли вниз.

— Зачем мне о таком врать? Это правда. У меня есть друг на психологии. Он сказал, что этот парень пришел на ориентационное собрание первокурсников, и все так перепугались, что слова связать не могли.

Он говорил шепотом и звучал предельно искренне. От этого И Бон крепко зажмурился и тяжело вздохнул.

Значит, этот бандит учится с ним в одном университете. И Бон, сам того не зная, поцеловал У Чхана прямо на глазах у этого самого бандита.

— ...У него много друзей?..

И Бон надеялся, что нет. Тогда он мог бы просто игнорировать его, перехватить тот общеобразовательный курс у Сынгу или найти любой другой.

Сынгу задумчиво наморщил лоб, а затем пожал плечами:

— Не знаю насчет друзей, но я слышал, что многие хотят с ним сблизиться.

— ...Почему?

— Ну, он как бы выделяется. Большинству его лицо показалось бы знакомым. Странно, что ты его не узнал.

После этих слов И Бон осознал, насколько всё плохо.

Кто-то из его университета знал тайну, которую он отчаянно пытался скрыть.

Даже если они не были друзьями, сама мысль о том, что кто-то поблизости знает его секрет, выводила из равновесия.

А еще этот мужчина сказал ему...

«Ещё увидимся».

Теперь эти слова ощущались как угроза, как предупреждение тому, кто выместил на нем свою злость.

«Что теперь будет, раз мы действительно встретились снова?»

И Бон даже предположить не мог.

Как бы ему ни хотелось просто забить на всё и сбежать, он не мог этого сделать, потому что совершенно не представлял, какие слухи могут поползти оттуда, откуда он их не ждет.

Ладони вспотели. Пока И Бон молчал, Сингу добавил еще более таинственным тоном:

— Это не точно, но говорят, он намного старше нас, и ходят слухи, что он может быть из мафии.

***

Переводчик и редактор; □□ □□

[1] Ориентационное собрание (ОТ, Orientation) — мероприятие в университете, направленное на знакомство первокурсников с учебным заведением, преподавателями и старшекурсниками.

<http://bllate.org/book/14733/1639205>